

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИБОБОРСТВА

УДК 504. 05

© Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.
Bucharin S., Rakityansky N.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ШЛЯХЕТСКОЙ ЭЛИТЫ ПОЛЬШИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS ARISTOCRATIC ELITE POLISH

Аннотация. В статье предлагаются теоретические и методологические основы для анализа феномена шляхетской элиты Польши.

Annotation. The article presents theoretical and methodological framework for the analysis of the phenomenon of the elite gentry of Poland.

Ключевые слова. Эволюция, генезис, эволюционная система, устойчивость, шляхетско-сарматская демократия, политико-психологический анализ, инфантильность, адаптация, креативность.

Key words. Evolution, genesis, evolution system, stability, the gentry and Sarmatian democracy, political and psychological analysis, infantilism, adaptation, creativity.

1. Польша как большая эволюционная система

Сложные социально-экономические системы имеют два положения устойчивого равновесия, которые соотносятся с централизованной и так называемой либеральной формой управления. Эволюция любой системы носит циклический характер, то есть она периодически, как маятник, достигает того или иного полюса устойчивости, и через кризис устремляется к про-

тивоположному полюсу [1]. Таким образом, изменения социально-экономической системы связаны с периодической сменой централизованного управления социально-экономической системой на либеральную систему и наоборот. Циклы централизации и либерализации связаны соответственно с проблемой координации процессов управления сложной системой из одного центра и проблемой хаотизации государства и форми-

Бухарин Сергей Николаевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИПУ РАН, тел. +7(495) 580-48-80;

Ракитянский Николай Митрофанович – доктор психологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, тел. 921- 83- 53.

Bucharin Sergey – the candidate of physical and mathematical sciences, the senior research scientist of IPM RAS, tel. +7(495) 580-48-80;

Rakityansky Nikolay – doctor of psychology; Moscow state University of M.V. Lomonosov, nel. 921-83-53.

рования центров капитала, которые в процессе формирования своего монопольного положения теряют устойчивость [2]. Система, находящаяся в одном из положений равновесия, со временем теряет устойчивость и переходит в другое положение равновесия.

Так, Польша, интенсивно развиваясь (начиная с X в.) в рамках централизованной формы управления, к концу XV века стала великой европейской державой, но разросшиеся масштабы империи стали причиной кризиса управления, связанного с проблемой координации. Стало невозможным осуществлять эффективное управление сложной и громоздкой государственной системой из единого центра.

Решение этой проблемы проводилось через децентрализацию и либерализацию системы политического управления, которая позволила модернизировать государство и достичь значительных экономических и политических успехов. Через определенное время доминирования либеральных методов управления, система, накопив критический потенциал кризисных явлений, стала терять устойчивость. Это произошло в XVII в.

Наметившаяся тенденция дрейфа системы к другому полюсу устойчивости, т.е. к централизованной форме управления, встретила жестокую оппозицию со стороны сторонников «золотой шляхетской свободы», по-польски – «злота вольность». Сторонники либеральной формы управления для укрепления своего политического статуса привлекают на свою сторону в различных комбинациях сильных соседей – Австрию, Пруссию и Россию. Тем самым начинает запускаться процесс политической лимитрофизации [3]. Так, инициатор процесса консервации либеральной системы управления – Е.С. Любомирский (1616–1667 гг.) пытался получить поддержку Австрии и Бранденбурга. Затем магнаты Щ. (Ф.) Потоцкий (1752–1805 гг.), Ф.К. Браницкий (1730–1819 гг.), С. Ржевуский (1743–1811 гг.) в Тарговице основали конфедерацию против сторонников централизованной формы управления и обратились к Екатерине II с просьбой помочь вернуть старые порядки в Польшу.

Окружающие Речь Посполитую государства были заинтересованы в сохранении «золотых свобод», поскольку шляхетско-сарматская «демократия» превратила Польшу в проходной двор и открывала соседям заманчивые перспективы для решения политических проблем за счет польских земель и ресурсов. В связи с этим либералам всегда оказывалась поддержка извне и объединенные ресурсы польских либералов с их австрийскими, прусскими или русскими покровителями не оставляли

шансов на модернизацию Польши.

Таким образом, развитие польского государства по абсолютистской модели было прервано и «законсервировано» в своеобразной шляхетски либеральной форме управления, которая утратила политическую, экономическую и военную эффективность. Этот уникальный в Европе вариант политического устройства в форме шляхетско-сарматской «демократии» носил деструктивный для польского государства характер. За устойчивость, своего положения, комфорт и потребительское благополучие магнаты и шляхтичи-либералы расплачивались территориями и суверенитетом своей страны.

Все это несколько напоминает состояние «адаптивного компромисса» эволюционной системы [5]. Устойчивость системы заключается в достигнутом компромиссе между противоречивыми требованиями оптимизации ее различных адаптивных функций. Данные требования противоречивы в том смысле, что из-за сложного переплетения разнообразных связей между всеми частями и признаками системы адаптивное усиление одной функции отзывается потерями эффективности других.

Адаптивный компромисс, таким образом, сдерживает эволюцию системы. Эволюция возможна лишь в результате такого изменения условий, при котором действующий на систему отбор становится направленным на преодоление устойчивости хорошо сбалансированного адаптивного компромисса.

У польских историков существуют две принципиально различные точки зрения, касающиеся вопроса «собственной или чужой» вины за разделы Польши. На этот счет в польской историографии даже сложилась своя терминология «пессимистического либо оптимистического истолкования» [4].

«Согласно первой концепции, причины всех разделов следует искать внутри самого польского государства, в его кризисе, военной и дипломатической слабости» [4].

Вторая концепция основывается на том, что катастрофа разделов случилась из-за неблагоприятного соотношения сил в Европе и противоречий между интересами Польши и Пруссии, Польши и России.

В упорстве доказать невиновность польской элиты в их бедах польские историки доходят до явного абсурда. В частности, «оптимисты» профессора истории Л. Кондзеля и Т. Цегельский считают, что одной из основных причин разделов являлась парламентская, т.е. демократическая форма управления, которая представляла «серьезную угрозу политическому согласию в центрально-восточной Европе, – согласию, где не было места идеям равенства и «самостоянию» личности и общества» [6].

Это вполне серьезно говорится о стране алчных «рыцарей» и бесправного «быдла», стране, в которой «демократическая форма управления» поддерживалась из-за рубежа (Австрией, Пруссией и Россией).

Это типичный пример инфантильной¹ логики, когда собственная вина, в данном случае вина шляхетской элиты, списывается на внешние обстоятельства. Данный подход имеет право на существование, но он ничего не объясняет и загоняет решение проблемы делимитрофизации Польши в тупик.

В результате социальных потрясений, революционных переворотов, то есть бифуркации исторического процесса, к власти в стране приходят вожди, по словам И. Тэна, с «необузданным самолюбием», «затмением рассудка и чудовищной гордыней» [7]. Этот тип политических деятелей представляется возможным дифференцировать на тип прагматиков и тип инфантильных.

Прагматики, как правило, не являются блистательными ораторами, часто не имеют хорошего образования, но именно они обеспечивают успех дела, поскольку знают реальную жизнь и являются практиками и реалистами.

Прагматики, в свою очередь, могут быть двух типов: государственниками и коллаборационистами.

Первые стараются сохранить и упрочить государство как, например, О. Кромвель, Наполеон Бонапарт, И. Сталин. Вторые – становятся центрами формирования и стремительного разрастания коррупционной системы, они стремятся к безудержному обогащению – это, например, деятели Великой французской революции Ж.Ж. Дантон, Ф. Ж. Никола и виконт П. де Баррас.

Во время революции Дантон скопил огромные земельные богатства за счет покупки национальных имуществ в обход законов. В целях личного обогащения он, например, использовал реквизиции на нужды армии. Дантон метался между своей славой вождя и стремлением остановить репрессии, чтобы спокойно наслаждаться жизнью и незаконно приобретенной собственностью, но трагическая судьба привела его на эшафот. П. Баррас также погряз в коррупции, но сумел избежать печальной участи Дантона.

В результате переворота, как правило, власть ока-

зывается в руках лиц инфантильного типа, наделённых при этом энергией демагогии и авантюризма, таких, например, как А.Ф. Керенский, А.И. Гучков, которые, в силу объективных причин и, в первую очередь отсутствия реального понимания жизни и практического опыта, усиливают тенденции упадка.

После революции происходит либо реакция – контрреволюция, которая обычно осуществляется прагматиками, и тогда вожди инфантильного типа либо изгоняются и физически уничтожаются, либо упадок государства, когда инфантильная элита попадает под внешнее управление, осуществляемое через прагматиков – коллаборационистов. Таким образом, в силу своих личностных особенностей «инфантиль», как правило, становятся объектами рефлексивного управления [8].

Политиков инфантильного типа можно распознать по их «жизненному пути». Это дети из обеспеченных семей, они могут быть как «вечными студентами», могут иметь и хорошее образование, свободно владеющие иностранными языками, знакомые с модными социальными, экономическими и политическими учениями. Знания, как правило, получают из книг, учебников и лекционных курсов. При этом они, как правило, никогда и нигде систематически не работают. Через «модные», односторонние знания они «заражаются» разрушительными теориями, которые с большой настойчивостью и энергией пытаются воплотить в жизнь.

С годами инфантильный человек может повзростать. Необходимым, но недостаточным условием «взросления» является погружение в среду обитания его подданных. Как это случилось с юным Эдуардом IV в повести Марка Твена «Принц и нищий». В качестве другого примера можно привести юного Петра I и ранних рюриковичей.

В Речи Посполитой это наиболее известные польские генералы, выходцы исключительно из шляхетского сословия. Тем не менее данное условие является лишь необходимым. Даже погружаясь в агрессивную социальную среду, инфантильный субъект может навсегда остаться большим ребенком, как, например, Т. Костюшко. Как правило, инфантильные люди в смутные времена гибнут, не

¹ Инфантилизм (от лат *infantis* – детский, младенческий) – незрелость в развитии, сохранение в поведении черт, присущих предшествующим возрастным этапам. Психический инфантилизм – незрелость человека, выражающаяся в задержке становления личности, при которой поведение человека не соответствует возрастным требованиям к нему. Преимущественно отставание проявляется в развитии эмоционально-волевой сферы и сохранении инфантильных качеств личности. Например, таких как – несамостоятельность, непосредственная мотивация, эмоциональная неустойчивость, зависимость от значимого окружения, эгоцентризм и эгоизм, капризность и жеманство, реактивность и спекулятивность мышления, не критичное отношение к себе, доминирование первой сигнальной системы над второй, неразвитость самосознания и отсутствие рефлексии, низкий уровень субъектности.

В переносном смысле инфантилизм – проявление незрелого, наивного подхода в быту, в межличностных и служебных отношениях, в политике и т.д. и т.п. – это всё проявления психологии инфантильности.

успев достичь личностной, социальной и политической зрелости. Однако в условиях, когда они служат декорациями для внешнего управления, могут долго не сходить с политической сцены.

Инфантилизация общества происходит по мере роста его экономического благосостояния и вслед за ним потребительских настроений. Сначала это удел избранных – элиты и её специфической части – богемы, которая принципиально не желает работать, но и не может быть творческой. При этом она навязывает всему обществу свои идеалы праздного класса.

Затем инфантилизируется буржуазия, потом средний класс. Как только количество инфантильных обывателей начинает превышать «критическую массу», то есть они начинают влиять на ход развития той или иной страны, начинается ее деградация. Так случилось и с Польшей. Как только инфантильная шляхетско-сарматское сословие монополизировало власть в Речи Посполитой, начался процесс ее лимитрофизации.

В централизованных государствах угроза, исходящая от инфантильных субъектов политики, реализуется несколько по-другому. К власти в результате различных политических интриг и маневров могут прийти инфантильные лидеры, такие например, как М.С. Горбачёв, Е.Т. Гайдар и др. Крах большинства империй, монархий, централизованных государств в значительной мере происходил в результате инфантилизации правящих элит, их лидеров, аристократии и монарших династий. В условиях стабильности и отсутствия конкуренции инфантилизация и последующая деградация элиты неизбежна.

В России в результате революции и последующей за ней реакцией к власти пришли прагматики-государственники, их дети стали управленцами, дипломатами, военными, инженерами, летчиками. Внуки – комсомольскими деятелями и «творческой» интеллигенцией, которая свободное от «работы» время проводила в банях в окружении не обременённых высокой моралью комсомолок. Это уже были инфантильные деятели, которые со временем взорвали советское государство, осуществив либеральную контрреволюцию.

Постсоветская Россия около двух десятилетий находится во власти инфантильных политиков, дети которых уже не идут в инженеры и летчики. Они оседают в советах управления банков, госкорпорациях, нефтяных, газовых компаниях, масс-медиа, в шоу-бизнесе. Завтра эта инфантильная смена примет управление Россией.

Если вернуться к нашей истории, то возможность появления инфантильных правителей в Российской им-

перии была у отпрысков фамилии Романовых. Действительно, вероятность была велика, но инфантильных деятелей среди русских царей и императоров оказалось, на удивление, мало, например, Петр III, Павел I, ранний Александр I.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что как либеральная, так и централизованные системы управления могут быть поражены инфантилизмом и вследствие этого потерять устойчивость. Инфантилизм элит в значительной мере носит объективный характер и является следствием эволюции социально-экономических систем. В ходе эволюции, в определенные моменты создаются условия для генерации политиков инфантильного типа. Если элита, принимающая важные для развития социально-экономической и политической системы решения, поражается инфантилизмом, то эта система саморазрушится, чтобы вновь родиться в новом качестве. Однако возможны исключения.

Система может быть законсервирована с помощью внешнего вмешательства. В этом случае государство превращается в лимитроф. В частности, в период агонии Речи Посполитой Австрия, Пруссия и Россия всегда выступали на стороне польской инфантильной шляхты. В настоящее время инфантильных правителей Польши поддерживают США, Ватикан, НАТО и ЕС. В лимитрофном государстве их положение относительно стабильно, поскольку устойчивость обеспечивает внешнее управление. Таким образом, элиты окружающих Россию лимитрофных государств объединяет не столько демонстративная русофобия, сколько национальные инфантильные элиты, которые свою неспособность обеспечить «подданным» достойную жизнь объясняют «колониальным прошлым» и «происками» восточного соседа в лице России и т.п.

Е. Урбан в газете «Nie» [30.04.2007] пишет: «Польская историческая политика произрастает из трагизма польской истории. Когда польский народ слезал с дерева, то зацепился шерстью за ветку и упал под машину. Скорее всего, на голову упал. Это стало началом множества неудач, из которых и состоит наше прошлое. Наши исторические несчастья – это Россия, Германия, Франция, Швеция, Литва, магнаты, наводнения, потопа и разливы, либерум вето, коммунизм, гитлеризм, Наполеон, сентябрьское поражение и поражение под Мачеевицами, масоны, крестоносцы, казаки, оккупации, разделы, выборные короли, спецслужбы, турки и украинцы, УПА, КГБ, НКВД, ZNP и GG, сталинизм, посткоммунизм, вонное положение, Миллер, последняя черта, Тарговица и торговый центр в Катовицах.

Обиды и страдания предков дают Польше вечное моральное преимущество над другими обычными странами».

2. Теоретический и методологический потенциал политико-психологического анализа феномена шляхетской элиты

Психология зрелости-инфантильности пока ещё открытая страница, требующая всестороннего изучения. Актуальность решения этой задачи имеет не только практическое значение, но и «чрезвычайно важный ценностный смысл» [9], особенно в сфере политико-психологических исследований, где приходится решать задачи психологического диагностирования личностных и профессионально значимых качеств не только отдельных политических деятелей, но и властных элит.

В современных условиях интенсивной коммуникации различных политических субъектов, этносов, регионов и культур, а также развивающихся глобализационных процессов относительный характер зрелости является практически важной проблемой для взаимодействия людей в современном мире. Вместе с тем, несмотря на наличие отдельных методологических подходов, общее состояние методического инструментария в этой области исследований необходимо признать недостаточно разработанным. Существует также и проблема обозначения феномена незрелости. Так, А.Л. Журавлёв считает, что один из вариантов решения этой задачи – использование терминов «инфантилизм», «инфантильность», «инфантил» и т.п. считать удачным не приходится [10]. Тем не менее в сообществе практических психологов этот термин довольно широко используется как рабочий инструмент для обозначения различных аспектов незрелости.

Проблема зрелости многогранна. Исследователи этой темы делают акцент на том или ином отдельном или частном виде зрелости субъектов. Например, выделяются интеллектуальная зрелость, зрелость как категория эстетического развития, религиозная зрелость, моральная зрелость, карьерная зрелость, зрелость как показатель мультикультурного развития, в экономической психологии – зрелость личности по отношению к деньгам [11], профессиональная зрелость, социальная зрелость, мировоззренческая зрелость, в политической психологии зрелость по отношению к власти, её субъектам, объектам, инструментам и т.д.

В поисках методологического основания понимания и объяснения феномена **зрелости-инфантильности** мы опираемся на **принцип субъек-**

ектности, разработанный С.Л. Рубинштейном [12] и получивший свое развитие в работах К.А. Абульхановой [13]. Принцип субъектности неразрывно связан с **деятельностным принципом** и предполагает, что взаимоотношения человека с миром опосредованы его активностью, в которой он проявляется в качестве субъекта [14].

В философии и психологии понятие «субъект» («субъектность») связано с пониманием человека как основанием самого себя, с **самодетерминацией** [15]. В онтогенетическом плане субъект – это человек, являющийся основанием собственного становления и развития.

В научной психологии базовой способностью субъекта деятельности признаётся способность к рефлексии. С точки зрения П.Т. де Шардена, которой мы придерживаемся, рефлексия – это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, – способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь. Путем этой индивидуализации самого себя внутри себя живой элемент, до того расплывчатый и разделенный в смутном кругу восприятий и действий, впервые превратился в точечный центр, в котором все представления и опыт связываются и скрепляются в единое целое, осознующее свою организацию [16].

Квалифицированная рефлексия – это оптимальный уровень осознания своих проблемных личностных качеств. Это также способность видеть дальше узкого круга вещей, выходить за пределы обыденного, привычного понимания самого себя. Это переход в сферу качественно нового психологического знания и опыта. Психологическим содержанием рефлексии является способность делать предметом прогнозирования собственное будущее и практически его осуществлять. Эта способность является синтетической и включает в себя способность анализировать своё прошлое как историю собственного развития, на основании этого анализа оценивать своё настоящее и проектировать своё будущее, программировать переход из прошлого в будущее, создавать средства и социальную среду своего развития, практически осуществлять этот переход из своего прошлого в своё будущее.

Зрелый, способный к рефлексии субъект становится точкой роста самого социума, новых социальных структур, становится реальным источником и «энергетическим импульсом» социального и политического развития. При этом онтогенез субъекта развития получает возможность

осуществляться как трансцендирование, т.е. выход за пределы собственных конечных способностей (возможностей) за счет собственной деятельности человека [17].

Известные концептуальные представления о личности политика, её структуре и свойствах могут быть интерпретированы как качества преимущественно **рефлексивного** или **реактивного** политического субъекта [18]. При этом качества **рефлексивности** и **реактивности** соотносятся соответственно с качествами **зрелости** и **инфантильности**.

В теоретическом плане **зрелый** и **инфантильный** тип политического субъекта представляется возможным трактовать в понятиях **адаптивности** и **креативности**. Декартовская концепция дуализма на столетия утвердила в науке адаптивную модель человека. Сущность адаптивной модели заключается в том, что человек свои способности черпает, заимствует у объекта. Не человек задаёт способы существования объекту, а объект задаёт и определяет существование человека, все его способности и возможности. С этой точки зрения внутренний мир человека детерминирован, определён внешним миром, частицей которого человек является.

Возникновение человека сопровождалось существенными изменениями его природы. Фундаментальным следствием этого изменения явилось изменение типа детерминации, который обеспечивал способ его существования и развития. Естественный способ существования человека обеспечивался **причинной детерминацией**, детерминацией прошлым.

Причинная детерминация – это способ преобразования структуры причины в структуру следствия. Причинная детерминация – это способ трансляции качества структуры причины на все пространство взаимодействия, но это не способ формирования нового качества. Неестественный, т.е. собственно человеческий способ существования и развития в природной и социальной среде обеспечивался уже **целевой детерминацией**, которую формировал и определял сам человек как субъект деятельности.

Появление человека в мире природы привело к тому, что **эволюция**¹ сменилась **генезисом**². **Адаптация**³ сменилась **историческим процессом**. Эволюция – это процесс совершенствования адаптивного способа существования, который задан природой. Это процесс, с которым связано не возникновение нового типа, а совершенствование уже имеющегося типа существования.

Генезис – это процесс возникновения и становления принципиально нового типа существования, т.е. существования креативного, творческого саморазвития субъекта.

Если в результате адаптации мы получаем всего лишь более совершенную форму имеющегося типа, то в результате креативного развития мы получаем качественно новый, **самодетерминированный** тип деятельности. В историческом плане человек – это существо, получившее способность выходить за рамки **адаптивного** типа существования в пространство творческого, креативного преобразования не только природной и социальной среды, но самого себя. **Креативный** субъект способен выходить за рамки обыденной необходимости и творить историю не только собственной жизни, но и социума, деятельной частью которого он является.

В политико-психологическом контексте доминирование **адаптивного**, приспособительного типа деятельности политических субъектов входит в противоречие с **креативной**, творческой необходимостью управления политическим процессом.

Все адаптивные формы жизнедеятельности, возникающие эволюционным путём, внутренне ограничены. Адаптивные субъекты деятельности не способны к **трансценденции**, т.е. выходу за пределы усвоенного по заданным образцам способа существования, за пределы самих себя. В них опредмечены только способности воссоздания и продолжения себя в потомстве, но отсутствуют возможности **самодетерминации**, которая является атрибутом деятельного субъекта. Любая **адаптивная** форма деятельности характеризуется отсутствием способности преодоления себя.

Эволюционный процесс подчиняется естественным законам причинно-следственной детерминации изменяющийся под его воздействием объект. Исторический процесс создаётся, творится субъектом, который в результате сам изменяет и творит себя.

Объект эволюции – подвергающийся внешнему воздействию организм. Субъект истории – творящий процесс собственного изменения человек.

Человек как субъект есть существо, воплощающее собой свою **креативную**, творческую сущность. Человек – это не просто высшая форма жизни, общего со всеми живыми существами способа функционирования. Человек – это жизнь принципиально другого уровня. Его

¹От лат. evolutio – развёртывание, раскрывание, развитие; процесс изменения развития.

²От греч. genesis – происхождение, становление, возникновение, развитие; процесс образования и становления развивающегося явления.

³От лат. adaptation – приспособление; совокупность реакций. обеспечивающих приспособление.

жизнь отличается тем, что человеческое существование – это **не осуществление, а созидание** своей сущности [19]. Человек, выходя за пределы адаптивных форм жизни, создаёт себе возможность стать предметом собственного творчества, **рефлексивно** относясь к себе [20]. Человек как субъект собственной истории есть существо, создающее собственную историю, создающее себя, свои новые способности, процессы и цели собственного развития.

Итак, по нашему мнению, историческая миссия зрелого и ответственного политического субъекта может быть осуществлена за счёт **креативной рефлексии и целевой детерминации** – способности порождать собственные возможности в результате анализа собственной истории развития и превращения её в средство своего дальнейшего развития [21]

Таким образом, качества **зрелости и инфантильности** соотносятся как с качествами **рефлексивности и реактивности**, так и с качествами **креативности и адаптивности**.

Инвариантность проблемы инфантильности в политике обнаруживается в трудах Н. Макиавелли (1469–1527 гг.) [22], Б. Грасиана (1601–1658 гг.) [23], Н. Мальбранша (1638–1715 гг.) [24], Дж. Мэйсона (1706–1763 гг.) [25], М.М. Щербатова (1733–1790 гг.) [26], Н.М. Карамзина (1766–1826 гг.), в работах многих других авторов. В начале христианской эры инфантильные нравы античных правителей описал римский писатель, историк и учёный-энциклопедист Гай Светоний Транквилл (75–160 гг.) в своём труде «*Vitae XII imperatorum*» [27].

Классик русской экспериментальной психологии, психиатр с мировым именем В.Ф. Чиж (1855–1922 гг.), характеризуя инфантильных людей во власти, писал о таких качествах, как «господство мотивов настоящего, а не более или менее отдалённого будущего», «узость ума», «интенсивные эгоистические чувствования», «смешивание действительности с продуктами своего воображения», «обрядовое благочестие», преобладание «власти обстоятельности», «нравственное слабоумие» [28].

Ещё в 1907 г. профессор В.Ф. Чиж предупреждал правителей о тех, кто забывает «о существовании непреложных законов человеческого общества, а потому не принимает в соображение, что всякое улучшение, всякий прогресс неизбежно начинаются лишь в небольших группах лиц, которые и называются высшими классами общества. До сих пор, конечно, к величайшему нашему несчастью, не изобретено способов сразу улучшать положение всех классов общества. Свобода может быть достоянием всего народа только после того, как продол-

жительно историческую жизнью создан высший класс, уже привыкший пользоваться свободой» [29].

По проблеме инфантильности высказывался и младший современник В.Ф. Чижа К.Г. Юнг (1875–1961 гг.), который назвал состояние людей в начале XX в. «безмерно разросшимся и раздувшимся детским садом» [30].

А. Кемпински (1918–1972 гг.), выдающийся польский психиатр и философ, пишет о том, что «инфантилизация является одной из опасностей современной цивилизации. Проблема «недозрелой личности в современной психологии и психиатрии ... как представляется, отражает инфантилизирующие тенденции нашей цивилизации» [31]. Кемпински считал, что, пользуясь известным сейчас в психологии и психиатрии определением, можно было бы сказать, что в поведении наших современников выражается определенная психическая незрелость – инфантилизм. Ибо важнейшим качеством психической зрелости является рефлексия – умение объективного восприятия самого себя и способность реалистично ответить на вопрос: «каков я?». Этот вопрос также типичен для молодежного возраста, как и типична неспособность на него адекватно ответить. Искусство объективного восприятия самого себя как развитие рефлексии позволяет преодолевать психологический инфантилизм [32].

В сложившейся к концу XX века традиции понятие «инфантильная личность» используется как противопоставление зрелой личности, качественная разница между которыми состоит в том, что поведение зрелых людей мотивировано осознанными процессами и инновационной активностью. По словам профессора В.М. Мяснищева, в мотивации поведения незрелой, инфантильной, невротической личности господствует аффект над разумом или, в более широком плане, перевес субъективной стороны сознания над объективной стороной. Отсюда становятся понятными и те черты, которые отмечают специалисты, как черты так называемого инфантилизма [33].

Инфантильность проявляется в сниженной способности контролировать эмоции и желания, в повышенной импульсивности, невыдержанности, раздражительности, в низкой стрессоустойчивости, стремлении уйти от реальности. В преобладании потребительских тенденций над творческими тенденциями, в доминировании процессов личностной дезинтеграции над процессами интеграции.

В самом широком плане проблема инфантильности имеет не только психологический, но и философский, а также религиозный характер, так как соединена с темой **свободы, духовности и греха**. Зрелость и реальная человеческая свобода начинается там, где есть спо-

способность к преодолению власти порабащивающих нас аффектов (страстей), т.е. всего того, что определяется понятием греха. Свобода от зависти, тщеславия, злости, ненависти, жадности, осуждения, раздражительности, подозрительности, лукавства, злопамятства, самомнения... Там, где культ «эго», там всегда инфантильность, всегда культ инстинктов, культ аффектов и культ потребительства [34].

На собственно психологическом уровне в проблеме инфантильности можно проникать с использованием таких для этой темы понятий, как **рефлексия, эмоциональная зрелость, реалистичность, зависимость, нравственная и волевая саморегуляция, адаптация, компенсация и социально позитивная реализация и креативность**.

Перспективным, по мнению авторов, теоретико-методологическим инструментом анализа политического субъекта с точки зрения диагностирования зрелости-инфантильности является психологический тетрабазис, который разработали академик Б.Г. Ананьев и профессор В.А. Ганзен [35]. Концепция тетрабазиса опирается на философские категории пространства, времени, информации и энергии, автоматически определяет число фундаментальных качеств зрелости – четыре и наполняет их конкретным психологическим содержанием.

Первая диада: пространство и время являются объективными формами существования материи. Вторая диада: информация и энергия – являются объективными условиями существования движения.

В соответствии с этой концепцией как человек, так и «собираетельная личность» [36] могут быть представлены посредством пространственно-временных и информационно-энергетических характеристик в их психологической интерпретации.

Таким образом, людей с точки зрения зрелости-инфантильности характеризуют инварианты, имеющие биполярное значение: временная, пространственная, энергетическая и информационная, которые соотносятся с конкретными психологическими качествами [37]. С помощью таких полярных значений мы сможем в необходимой мере управлять идентификацией зрелости-инфантильности. Итак:

Время. Инфантильным людям свойственны текущие временные предпочтения – они озабочены сегодняшним днём и не загадывают на завтра. У зрелых – всегда есть временная перспектива – они способны откладывать удовлетворение своих желаний или текущие, менее ценные

цели во имя достижения более поздних, но более важных.

Пространство. Категория пространства соотносится с понятием **локуса контроля**¹, которое было разработано в 60-е годы XX в. профессором психологии Дж. Роттером (Коннектикутский университет, США). В соответствии с теорией локуса контроля инфантильный человек считает, что событиями его жизни управляет нечто внешнее – удача, случай, более сильные личности или силы, не подвластные его пониманию и контролю, он признаёт, что сила обстоятельств, внешних условий и фактов сильнее его самого. В таком случае ориентация на внешние обстоятельства обозначается как **экстернальность**, т.е. вера субъекта в то, что его поведение детерминировано преимущественно окружением и обстоятельствами и определяется как **экстернальный локус** контроля.

И наоборот: установка человека на то, что поведение и его результаты программируются в основном им самим, определяется как **интернальный локус** контроля. Зрелый человек полагается на внутренние ресурсы – свои силы, возможности и собственное поведение с приоритетом установки «все зависит от меня» и «я отвечаю за всё». Такая ориентация определяется понятием **интернальности**. Оно связано со способностью и умением брать на себя ответственность, с успешностью и результативностью деятельности.

По мнению В.Г. Крысько, **экстерналов** отличаются повышенная тревожность, обеспокоенность, меньшая терпимость к другим, повышенная агрессивность и негативизм. Это связано с их представлением о зависимости от внешних обстоятельств и неспособности в связи с этим управлять своими делами. Имеются данные о большей склонности экстерналов к обману, к совершению аморальных поступков.

Интерналы более уверены в себе, они самостоятельны, спокойны, благожелательны и рассудительны [38].

Экстерналы и интерналы различаются также и по способам интерпретации социальных и политических ситуаций, в частности, по способам получения информации и по механизмам их причинного объяснения. Так, интерналы терпимы к противоречиям и неясностям, предпочитают большую осведомленность в проблеме и ситуации, большую ответственность, чем экстерналы. В отличие от экстерналов они способны к продуктивной рефлексии, избегают ситуационных и окрашенных эмоциями объяснений поведения.

Экстерналы более продуктивно работают под внешним контролем. Они чаще склонны считать себя

¹ От лат. locus – место и controle – проверка, контроль

жертвой [39] как различных объективных **обстоятельств**, так и **жертвой** различного рода **интриг**, зависти, коварства и происков врагов мнимых и реальных. Им свойственны трудноразрешимые психологические проблемы, агрессивность, тревожность, они более склонны к фрустрациям и стрессам, им в большей мере свойственно развитие неврозов, чем интерналам. Экстернальный тип политического поведения является составной частью **инфантильного** [40] взаимодействия с реальностью.

Исходя из того, что различные по числу группы людей, могут быть подвергнуты психологическому анализу посредством тех же понятий, что и отдельно взятый человек как носитель психических свойств [41], мы считаем возможным сделать вывод о том, что польские правящие элиты как «собираательная личность» представляется возможным характеризовать терминами «**экстернальность**» и «**интернальность**».

Энергетика: у инфантильных субъектов преобладает мотив избегания неудачи. У зрелых – мотив достижения, у них ярко выражено стремления к преодолению трудностей и проблем.

Информация: у инфантильных – неадекватные самооценки и уровень притязаний. У зрелых – самооценка реалистичная. Неадекватная самооценка у инфантильных субъектов не является фактором самоконтроля, коррекции, саморегуляции и безопасности поведения. Неадекватность прогноза, ошибки в принятии решений у таких людей являются следствием односторонней оценки ситуации, требующей непосредственного удовлетворения потребностей. Из имеющихся знаний и прошлого опыта вычлняются только те элементы, которые могут быть использованы для подтверждения, что цель, диктуемая этой актуальной потребностью, осуществима. Такого рода селекция прошлого опыта в сочетании с неадекватной самооценкой, не выполняющей у инфантильных личностей функций звена обратной связи, препятствует полноценному прогнозу последствий собственных действий. Они в буквальном смысле «не ведают, что творят»...

Современные польские интеллектуалы в соответствии со своей **инфантильной, адаптивной**, нереф-

лексивной **экстернальной** традицией, потешаются над «трем злыми клоунами – Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным, наблюдающими за Европой с высокого помоста, с которого руководители мира шутят, рассказывают анекдоты, говорят Сталину комплименты и между прочим обсуждают послевоенный раздел Польши. Черчилль предлагает сдвинуть ее границы на Запад, рисуя спичками этот «трансфер» [42].

Но Португалия, Нидерланды, Бельгия, Австрия и другие европейские страны в более неблагоприятных «географических», политических и иных условиях сумели не только сохранить суверенитет, но и создать империю, и добиться уважения.

Выводы

В XVII веке естественный ход развития Речи Посполитой был заблокирован сторонниками «золотых свобод». Устойчивость либеральной системы правления шляхетской элиты обеспечивали за счет продажи геополитического статуса своей страны, суверенитета и территориальной целостности государства.

Разделы Польши – это плата, которую вполне осознанно и добровольно платила шляхта за свои привилегии. В первых трех разделах Речи Посполитой 1772–1793 гг. с согласия ее правителей принимали участие три стороны: Австрия, Пруссия и Россия. Данный факт на протяжении веков не могут признать польские политические элиты, списывая свои беды на внешние факторы и в первую очередь на Россию.

Вступление в НАТО, настойчивые просьбы о размещении элементов ПРО – это тот же «раздел Польши», тот же торг суверенитетом, то же стремление обеспечить устойчивость существования современной польской постшляхетской элиты.

В политико-психологическом плане шляхетская элита не смогла выйти за рамки **инфантильного, адаптивного** способа политического существования.

Польская шляхта и её наследники в XX и XXI столетиях не смогли овладеть **креативной рефлексией** и **целевой детерминацией** и обеспечить тем самым достойное место своей страны в геополитическом пространстве.

Литература

1. Цыганов В.В. Интеллектуальное предприятие механизмы овладения капиталом и властью. – М.: Университетская книга, 2004.
2. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология. – М.: Академический Проект, 2007.
3. Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М. Психолого-политологический анализ феномена лимитрофизации Польши // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1. – С. 107-127.
4. Историки отвечают на вопросы. – М., 1990.

5. Эволюция и биоэкологические кризисы. – М.: Наука, 1987. – С. 46–64.
6. Конзеля Л., Цегельский Т. Концерт трех черных орлов. Споры о разделах Польши // *Историки отвечают на вопросы*. М., 1990.
7. Тэн И. Психология якобинца (Из соч. «*Les origines de la France contemporaine*») – С.-Петербург: Книгоиздательство «Друзей свободы и порядка». Типография И.В.Леонтьева, 1905. – С. 7-9.
8. Ракитянский Н.М. О политико-психологическом портретировании // *Вестник политической психологии*. – СПб., 2003. № 1(4). – С. 18-23.
9. Журавлёв А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // *Феномен и категория зрелости в психологии*. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 206.
10. Там же. С. 206.
11. Там же. С. 206-207, 209.
12. Рубинштейн С.Л. *Принципы и пути развития психологии* – М., 1959.
13. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. – М.: Наука, 1973.
14. Брушлинский А.В. *Психология субъекта*. – М.: Институт психологии РАН; СПб: Алетейя, 2003.
15. Ломов Б.Ф. *Методологические и теоретические проблемы психологии*. – М.: Наука, 1984. – С. 309-310, 407.
16. Шарден де П.Т. *Феномен Человека. Перевод и примечания Н.А. Садовского*. – М.: Прогресс, 1965.
17. Агеев В.В. *Принципы субъектности и современные проблемы психологии развития* // <http://www.ageyevkz/articles/article-44.html>.
18. Ракитянский Н.М. *Рефлексия в политике* // *Власть*. 2003. № 9. – С. 21-24.
19. *Философско-психологические проблемы развития образования*. – М.: ИНТОР, 1994.
20. Шарден де П.Т. *Указ. соч.*
21. Агеев В.В. *Генетическая психология неадаптивного человека: от Жана Пиаже до наших дней* // <http://www.ageyevkz/articles/article-68.html>.
22. Макиавелли Н. *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве* / Предисл., коммент. Е. И. Темнова. – М.: Мысль, 1996.
23. Грасиан Б. *Карманный. Критикон*. Пер. и комм. Е. М. Лысенко и Л. Е. Пинского. – М.: Наука, 1984.
24. Мальбранш Н. *Разыскания истины*. Пер.с фр. – СПб, 1999.
25. Мэйсон Д. *Трактат о самопознании*. – СПб: Тропа Троянова, 2004.
26. Щербатов М.М. *О повреждении нравов в России* // <http://old-russian.cbati.ru/17sberb.htm>.
27. Гай Светоний Транквили. *Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях (фрагменты)*. / Пер. и прим. М.Л. Гаспарова, статья Е. М. Штаерман. Отв. ред. С. Л. Утченко. (Серия «Литературные памятники»). – М., Наука. 1964.
28. Чиж В.Ф. *Психология злодея, властелина, фанатика. Записки психиатра* / Предисл., сост., пер. инояз. текстов Н.Т. Унаниянц. – М.: Республика, 2001. – С. 23, 29, 39-40, 119, 149, 227-228, 331.
29. Там же. С. 250.
30. Юнг К.Г. <http://www.sunbome.ru/psychology/11719>.
31. Кемпински А. *Экзистенциальная психиатрия*. – М.: Совершенство, 1998. – С. 100.
32. Там же. С. 171.
33. Мясницев В.М. *Личность и неврозы*. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
34. Былёв А., Ракитянский Н. *От чего мы зависим. Что необходимо знать о психологии аддикта* // *Психология для руководителя*. 2008. № 4. – С. 77-83
35. Ганзен В.А. *Системные описания в психологии*. – Л., 1984.
36. Бехтерев В.М. *Объективное изучение личности. Избранные труды по психологии личности в двух томах. Том второй*. – СПб: Алетейя, 1999. – С. 90-93.
37. Дейнека О.С. *Ценностно-мотивационные особенности представителей политической и бизнес-элит*. // *Вестник политической психологии*. 2001. № 1. – С. 24-27.
38. Крысько В.Г. *Социальная психология: словарь-справочник*, Минск, «Харвест», 2004 г., с. 204-205; Кондаков И.М., Нилопец М.Н. *Экспериментальное исследование структуры и личностного контекста локуса контроля* // *Психологический журнал*. 1995. N 1.
39. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. *Виктимология*. – М.: Юнити, Закон и право, 2009.
40. *Феномен и категория зрелости в психологии* / отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
41. Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И. *Опыт психологического измерения человеческого капитала. Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева*. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 52.
42. Егоршина О. *Продвинуть спичками границу* <http://www.newizv.ru/news/2008-09-23/98484/>.

Материал поступил в редакцию 12. 07. 2010.

© Ракитянский Н.М.
Rakityansky N.

САРМАТИЗМ – МЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ШЛЯХЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

SARMATISM - MENTAL BASE ARISTOCRATIC REPUBLIC OF POLAND

Аннотация. В статье представлен опыт политико-психологического исследования феномена шляхетского сарматизма и его значения в становлении, развитии и деградации польской государственности.

Annotation. The article presents the experience of the political-psychological study of the phenomenon Gentry Sarmatism and its importance in the formation, development and degradation of the Polish statehood.

Ключевые слова. Сарматизм, догматическая доктрина, сословно-корпоративная идеология, социальный расизм, менталитет, ментальный экспансионизм, самоидентификация, шляхетская элита.

Key words. Sarmatism, dogmatic doctrine, estate-corporate ideology, social racism, mentality, mental expansionism, Identity, noble elite.

Возвышение Польши началось после победы над крестоносцами в Грюнвальдской битве 15 июля 1410 г. Тогда состоялось одно из самых великих сражений средневековья – между войском Тевтонского ордена и союзным войском Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, Жемайтского и Русского. Войско, возглавляемое поляками, было многонациональным. Его основу при этой битве составляло польское рыцарство. Всего в коронной польской армии было 51 хоругвь: 2 королевские, 3 князей Мазовецких, 17 земских, 26 сформированных духовными и светскими феодалами, 3 хоругви наемников. В войске было также 4 литовских полка, 28 полков с ныне белорусских земель. Были в войске хоругви и из других мест – с Киева, Молдавии и татарские отряды мирзы Джалал-ад-Дзина. Так, в объединённом войске было семь украинских хоругвей и хоругви чешских наемников. Грюнвальдская победа положила конец двухсотлетней тевтонской экспансии на восток Европы, и определила начало интенсивного политического разви-

тия польского государства [1].

После Грюнвальда примерно столетие вызревала идея сарматизма, принятием которой польское общество формировало свой менталитет и такие его аспекты как политическое и историческое самосознание, демонстрируя его окружающему миру. Тем самым оно заявляло о своем особом месте в системе европейских народов. Действительно, в связи с ослаблением Чехии и катастрофой Венгрии¹ именно к Польше в середине XVI в. переходит роль сильнейшего государства Центральной Европы, которое играло значительную роль в сопротивлении Османской империи и проводило активную восточную политику.

Феномен и понятие сарматизма

Впервые о сарматизме завёл речь польский историк, дипломат и крупный католический иерарх Ян Длугош (1415 – 1480 гг.). Он утверждал в польском обществе чувство гордости своим историческим прошлым и госу-

¹ Победа турок в Мохачской битве. Сражение, произошедшее у города Мохач в южной Венгрии 29 августа 1526 года, в котором Османская империя нанесла сокрушительное поражение объединенному дворянскому венгро-чешско-хорватскому войску. Порта заняла Среднедунайскую равнину, включив в свои владения самое сердце Европы, которое турки планировали превратить в плацдарм для покорения новых территорий и дальнейшего распространения ислама.

дарственный патриотизм. Закрепил понятие сарматизма как отражение этноисторической специфики польского менталитета астролог Мацей (Матвей) Карпига из Мехова (1457 – 1523 гг.). Широкую известность получил его трактат «О двух Сарматиях» (1517 г.). Этот труд стал главным источником сведений о Польше и Восточной Европе на Западе. О его значении в формировании национального польского менталитета свидетельствует тот факт, что он выдержал 14 изданий в XVI в.

М. Карпига *a priori*, т.е. **догматически**¹ утверждал «славное происхождение» поляков от народа древности – «сарматов», в то же время дистанцируясь от «варварского» мира «азиатской Скифии». Идеи астролога развивал историк и дипломат, доктор права и непримиримый враг протестантизма Марцин Кромер (1512 – 1589 гг.) в труде «О происхождении и деяниях поляков, в 30 книгах» (1555 г.).

Под воздействием своих идеологов поляки приходили к осознанию себя не только носителями, но и проводниками цивилизации в пограничье культурного и варварского миров. Проникаясь модным в Европе XV века поиском исторических корней, увлечённо проецируя себя в далёкое прошлое, интеллектуалы шляхетского сословия пытались доказать, что они являются потомками свободного, кочевого и вольнолюбивого народа – сарматов².



Сарматы

(<http://www.chaoss.ru/хаос/futuresarmatia.html>)

Этот народ был известен по произведениям Геродота, Мацеллина, Птолея, Страбона, Тацита и других античных авторов. Со временем своеобразное развитие

исторического самосознания привело поляков к утверждению того, что они – «народ, который своей древностью не уступит наибогаороднейшему народу»[2].

Сарматизм как доминантная тенденция ментализации польских элит формировался в эпоху позднего Ренессанса на рубеже XVI-XVII вв. в шляхетской среде на почве особого политико-правового статуса дворянского сословия в обществе и государстве. Основопологающим положением сарматизма стал постулат об особом происхождении польского народа, под которым понималось только дворянство.

В отличие от других стран центральноевропейского региона, где в этот период развивались буржуазно-капиталистические отношения, в Польше происходило дальнейшее укрепление и консервация феодально-крепостнических порядков. На начальном этапе это привело к подъему экономики, развитию роста городов, активизации торговли, а также – к стремительному и небывалому по масштабам обогащению шляхты [3].

Радомская конституция 1505 г. с принципом «*nihil novi*» (лат. **ничего нового**) гарантировала неприкосновенность всех обретенных привилегий в управлении государством и в ограничении прав короля. Это особое положение отразилось в представлении о «золотом веке», «золотой вольнице». «Шляхетская демократия», таким образом, представляла собой власть в государстве только одного – дворянского сословия. Его главенство определялось не только особым правовым статусом, но и большой численностью. Доминирование шляхты отразилось и на возвышении её политического статуса, что побуждало к поиску и утверждению его идеологического обоснования.

Ещё на начальном этапе формирования шляхетской догматической доктрины сарматизма преобладал мотив не общности, а этнической и сословной исключительности, который *a priori* предполагал, что у шляхты особые этнические корни – сарматские, а не славянские, как у «хлопов» и «быдла». Поскольку власть в Речи Посполитой (буквально – республики) принадлежала шляхте, своевольно ограничившей в правах короля и другие сословия, это получило выражение в представлении о дворянстве как о политическом народе – демосе. Период генезиса сарматской идеологии был временем формирования своеобразных корпоративных представлений о демократии как демократии только для избранных. Поль-

¹ Догма от древне-греческого *δογματιζω* – «мнение», «общее убеждение», «постановление», «утверждение».

² Сарматы (греч. *Σαρμάται*, лат. *Sarmatae*), также савроматы, – общее название кочевых скотоводческих ираноязычных племён (аланы, роксоланы, языги и др.), расселившихся в III веке до н. э. – IV веке н. э. в степях от Тобола на востоке до Дуная на западе (Сарматия).

ская шляхта провозглашала себя наследницей традиций античного демократизма так, как она его понимала, что, впрочем, не вступало в противоречие с обязательством сохранения принадлежности к католицизму [4].

В XVII веке сарматизм в целом был принят шляхтой в качестве основы её сословно-корпоративной идеологии и определил уникальный характер польской знати и её политический статус в век абсолютизма в Западной Европе. Под сарматизмом стали понимать совокупность присущих польскому шляхетскому сословию особенностей менталитета, которые проявлялись в мировоззрении, образе и стиле жизни, в быту, определённом типе культуры и политического поведения. В качестве приметы времени можно привести тот факт, что в поиске исторических корней шляхтичи стали выводить свои родословные от древних сарматов, живших во II столетии в причерноморских степях [5]. Без сарматских корней шляхтич считался ненастоящим [6].

Речь Посполитая изначально была полиэтническим государством, в котором господство принадлежало не только польским, но также литовским и феодам других народов. Идея сарматизма стала получать распространение в Литве, в Беларуси, а также и на украинских землях. Образовался даже своеобразный украинский сарматизм [7]. Местные феодалы по примеру польского «старшего брата», как могли, демонстрировали аристократический анархизм и своё неприятие «песей крови».

С самого начала своего становления сарматизм как архаичная форма самоидентификации, утверждался и как своего рода социальный расизм [8], что, впрочем, вполне вписывалось в европейские традиции сословной и национальной нетерпимости того времени с той разницей, что Европа была устремлена в будущее.

Ментальному экспансионизму сарматизма не удалось преодолеть границ Польши, Литвы и Украины, так как как будучи явлением по сути своей ретроградным, этноцентрическим и враждебным России, он не мог рассчитывать на успехи в ее пределах даже при том, что Россия смотрела на Европу в XVII в. через «польское окно». Интересно, что для Петра I сарматизм был неприемлем ещё и потому, что противопоставлял себя европеизму. С середины XVII века Запад все больше смотрел на Речь Посполитую как на восточную страну, и Петр это хорошо знал. В его глазах сарматизм и «старомосковство» подобны и одинаково отстали. В правленных собственноручно Петром набросках к истории его царствования, в перечне культурных реформ 1699 года под номером 7-м значится: «Тогда же за благо разсудил старинное платье российское (которое было наподобие полского платья) отме-

нить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европейских христианских государств» [9]. Заимствуя «обычай европейских христианских государств», Петр исключал из этого «обычая» Польшу — следовательно, и сарматизм.

Академик А.М. Панченко писал о том, что поляки в первую очередь объявили себя «хранителями мифических сарматских добродетелей. Сармату приличествует быть рыцарем и воином, хорошим сельским хозяином (с некоторыми неостойческими чертами), человеком с образованием и с интересом к миру. Таковы идеологемы раннего, если не героического, то во всяком случае плодотворного периода сарматизма. Видимо, не случайно ему сопутствовали самые крупные государственные успехи Речи Посполитой...

Мессианизм и мегаломания достигла предела: Речь Посполитая стала трактоваться как некое идеальное пространство — государственное («золотая свобода»), конфессиональное (католицизм), национальное (избранный народ). Это — крепость, призванная обороняться от язычников, т.е. татар и турок, от схизматиков, т.е. москалей и украинских, и запорожских казаков, от протестантов — Швеции и Бранденбурга. В эту пору сарматизм препятствует реальной оценке национальной ситуации. Если она ухудшается, то якобы лишь потому, что Речь Посполитая предназначена роль невинной жертвы (притом в литературе нередки уподобления страстям Христовым) [10]. После разделов польский мессианизм продолжает твердить о том, что «Польша страдает за грехи всего человечества».

Сарматизм как идеология шляхетской, и в последней трети XVI в. — и магнатской Речи Посполитой, предопределил ментальные особенности польской знати в отличие от западноевропейской аристократии. Шляхта, «огонь и железо вольного рыцарства», была сословием воюющих господ. Архаичная и незамысловатая сарматская этика предписывала свод насколько жёстких, настолько и нелепых установок. Так, истинный шляхтич предпочтет умереть от голода, но не опозорит себя физическим трудом, он дистанцирован от «быдла», отличается «гонором» и демонстративной храбростью. При этом христианское братолюбие, смирение и аскетизм в реальной жизни им были неведомы.

После подписания в 1569 г. Люблинской унии между Польшей и Великим княжеством Литовским с принадлежавшими ему западными и южными русскими землями Речь Посполитая стала третьей по размеру и четвёртой по населению страной, одним из богатейших государств континента.

В XVI-XVII вв. Польша является одной из ведущих держав Европы. Историк Н.И. Бухарин утверждает, что тогда на её долю выпала задача объединения славянского мира и создания противовеса Османской империи [11]. По мнению автора, Литва в отличие от Польши до их соединения в Люблинской унии 1569 г. имела шансы объединить православно-славянский мир и выполнить ту миссию, которую отчасти впоследствии выполнила Российская империя.

Именно шляхетская политическая элита как носитель сарматской идеи избранности и «католицкой» догматически-репрессивной, тоталитарной нетерпимости не только сорвала этот объединительный проект, но и в последующем предопределила крах своей государственности.

Сигизмунд II Август (1520–1572 гг.), действуя в духе мессианской самоуверенности, сломил сопротивление элит Великого княжества Литовского, утвердил сарматско-католическое и политическое доминирование Польши, добившись при этом передачи Королевству Польскому Волыни, Подолья, Подляшья и украинских земель, принадлежавших Великому княжеству Литовскому.

XVII век становится переходным этапом, когда, несмотря на явные черты кризиса, государство ещё сохраняло свою целостность и способность к развитию. Но с середины века дезинтеграционные процессы, которые раскручивал маховик сарматской доктрины, набирают негативную инерцию и становятся необратимыми, осложнившись внешнеполитическими поражениями и последствиями тяжёлых войн, ведущихся на территории Речи Посполитой – продолжаются войны с турками, крымскими татарами, шведами, русскими. Как реакция на сарматское высокомерие и жестокую колонизацию вспыхивают многочисленные казацкие восстания. Левобережная Украина отходит к Московскому государству. Всё это приводит к экономическому упадку и усилению дестабилизации в сарматской «республике» [12].

В XVIII в. во внутренние дела Польши все более активно вмешиваются соседние державы, заинтересованные в слабой Речи Посполитой. Большинство робких попыток преобразовать и усовершенствовать государственный строй или сводились к шлифовке ретроградной системы, или не достигали своих целей. Польша становится протекторатом Австрии, Пруссии и России.

Польское государство с его идеей сарматско-шляхетской демократии не выдержало испытания суровой политической реальности. На завершающем этапе Северной войны (1700–1721 гг.) своё слово сказал Петр I. По иронии судьбы и условиям мирного договора импер-

ская Россия стала гарантом государственного строя шляхетской демократии, а также обывательских прав, вольностей и прочих «гражданских прав и свобод».

Сейм 1717 г. принял рекомендации русских властей при полном безмолвии присутствовавших. Численность войск Речи Посполитой была ограничена 24 тыс. человек, что больше подходило для дворцовых парадов. Австрия и Пруссия имели примерно по 100 тыс., Россия — около 300 тыс. [13]. Сторонникам обновленческих реформ, активных политических действий указали на их место.

Развитие понятия сарматизма

Содержание понятия «сарматизм» менялось в польском обществе на протяжении нескольких веков. Вначале его смысл сводился к определению старинного польского образа жизни и национального характера. Во второй половине XVIII в. под «сарматизмом», «сарматскостью» подразумевалась совокупность определённого типа внешности и поведенческих стереотипов. В эпоху Просвещения в языке польской знати и аристократии это определение уже носило негативный оттенок, противопоставляло изысканной утончённости салонов грубоватость и простоту «старой шляхты». По представлениям новой эпохи он отражал негативные черты, противоположные идеалу просвещённого либерального гражданина: религиозный фанатизм, суеверие, приверженность старым обычаям и порядкам, традиционализм и ксенофобию [14].

Шляхетский костюм –
жупан и кунтуш
(<http://sarmata.livejournal.com/119408.html>)



Позже социально-негативный характер понятия уступил место национально-патриотическому содержанию. Так, в период Четырёхлетнего сейма (1788 – 1792) становится особенно популярным образ «просвещённого сармата». Под ним понимался истинный патриот, образованный человек, воспринявший идеи философов-просветителей и одновременно уважающий старинные польские обычаи. В среде польской знати мода на французское платье и ношение шпаги сменилась актуальностью шляхетского кунтуша и польской сабли [15].

Во второй половине XIX в. типичный представитель сарматизма – доблестный благородный рыцарь-шляхтич. В конце XIX столетия «сарматизмом» стали называться старинные польские обычаи, шляхетское помещичье гостеприимство, простота, открытость, широта и щедрость, прямота и правдолюбие – словом, все те черты, которые считаются присущими польскому народу и славянам.

В 20-30 годы XX в. сарматизм означал нравы, обычаи и представления польского дворянства – эпохи господства шляхетской демократии. Носителем совокупных черт, определяемых как «сарматские», был, прежде всего, шляхтич – польский дворянин [16].

Исторически идеология сарматизма отражалась не только в понятиях, но и в особых манерах, «восточном» стиле парадной одежды (жупан) и т.д., а также в искусстве: в соответствующем стиле изображения польского дворянина, который получил название «сарматский портрет». На протяжении XVII и XVIII веков польские аристократы желали, чтобы художники изображали их «сарматами». В первой половине XVIII века «сарматский костюм» шляхтичей и магнатов был очень похож на костюм турецкий, не считая влияния московских, татарских, персидских и венгерских, притом восточная мода становилась все сильнее [17]. Основными занятиями блюстителей «сарматских традиций» были: война, охота, полонез. Развился галантный обычай целования женской руки.

Сарматизм был возвышенно и романтически воспет поэтами и писателями, в частности, в произведениях Вацлава Потоцкого (1621 – 1696), Яна Кристофа Пасека (ум. ок. 1705 г.), Анжея Збылитовского (конец XVI в. и начало XVII в.) и Иеронима Морштина. В XIX в. «сарматский стиль» Речи Посполитой был красочно описан Генриком Сенкевичем (1846-1916 гг.) в эпической трилогии «Огнём и мечом», «Попол» и «Пан Володыёвский» [18].

Польское католичество и сарматизм

Феномен польского национального менталитета, как и любого другого, объясняется культурно-историческим и в конечном счете религиозным происхождением [19]. Поляки или ранее ляхи (Polen, Lechen) — это общее имя для славян, живших по Висле, Мазурским озерам, около Полоцка с X в. Польские земли тех лет находились в тесной политической связи с Моравией, и христианство получили из рук последней. Польского герцога Мечислава (Mieczislaw 964 – 992 гг.) расположила к христианству его супруга, Богемская принцесса Домбровка (в 965 г.). Он был крещен в 966 г. вместе со многими знатными лицами. В 968 г. было основано епи-

скопство в Познани. Принято считать, что примерно с этого момента Польша приняла христианство. Много потрудились над христианизацией своего народа Болеслав I Храбрый (992-1025), которому помогал немецкий император Оттон III [20]. Вся последующая история формирования и развития менталитета польской нации обусловлена исповеданием католичества. Но здесь важно заметить, что сарматизм зарождался в период, когда в Европе нарастали секулярные тенденции и польским элитам не удалось избежать их влияния.

По мнению М.В. Лескинен, сарматская утопия могла возникнуть, когда одной религиозной идеологии стало уже недостаточно. Её следовало обогатить и дополнить комплексом новых светских значений, но тех, которые не выпадали бы из сакрального круга католической культуры. Ими стали значения сарматского мифа [21]. Со временем идея сарматизма, сам «сарматский дух» начинает формировать своеобразие польского католицизма, что определялось начавшимися в Европе в эпоху Возрождения процессами утверждения национального принципа. Стремление каждой нации выбрать свой путь, соответствующий ее духу, языку и религии, оказало влияние на все стороны ее жизни и не обошло национальных форм духовности. Оттого мы реально констатируем в недавнем прошлом испанскую духовность, итальянскую духовность и французскую духовность — формы духовности, тождественные в своей католической основе, однако по-разному осмысленные и воплощенные [22].

Польша в этом процессе не была исключением. Часто в литературе используется термин «сарматский католицизм», особенностью которого стало то обстоятельство, что религиозные проповеди, литература, изобразительное искусство, быт, вся жизнь наполнялась легендами и мифами о героических свершениях сарматского народа. «Всюду в них старосты, гетманы, епископы, Речь Посполитая ... Христос, апостолы, святые ... изъясняются стилем и языком шляхты ... всякая война носит название посполитого рушения; там Спаситель проводит элекционный сейм для избрания на престол небесный» [23]. Вся мировая история происходила в Польше, Голгофа существовала в Кракове, Богородица и святые облакались в польские одежды, потому что жили на польских землях. Более того, культ польского героя, богатыря-сармата столь активно использовался церковью, особенно в периоды кровопролитных войн, что зачастую превосходил по значимости древних ветхозаветных пророков и святых [24].

Вместе с тем религиозный аспект в идеологии сарматизма выражался неоднозначно. С одной стороны, принадлежность к католическому вероисповеданию

была системообразующим фактором ментализации и этнополитической самоидентификации, а с другой – исполнение святого долга защиты истинной веры вменялось сармату в христианскую обязанность. При этом идеи сословной солидарности носили декларативный характер. Так, богатый и потому располагающий частным войском шляхтич мог отобрать собственность, любимую женщину, даже дочь у менее богатого шляхтича. Решение суда, предъявленное в таком случае обидчику, означало лишь то, что ему объявлялась война, поскольку тот был командиром частного вооружённого формирования.

Польская церковь, безусловно, играла значительную роль в сарматской сословной консолидации. Но ничуть не меньшее место в системе идей сарматизма играли мифологические представления, не являющиеся в чистом виде христианскими, а также нерелигиозные идеалы – личностные и гражданские [25]. По словам Зб. Куховича, «поляков объединяла не столько общая вера, сколько обычаи, связанные с ней» [26].

Сарматский миф, если не заслонило, то подобрал в себя религиозную идеологию и подчинил её себе. Проговаривая известный тезис: «кто не католик, тот не поляк», миф устремлялся в светскую сферу культуры. Черты же истинной религиозности, связанные с католической традицией и обрядностью, воплотились впоследствии в национальном мифе в образе сармата. Это и объясняет то, что национальному сарматскому мифу в определённом смысле чужды утончённые формы искусства высокого барокко и философия католических мыслителей. Он тяготеет к простым и ясным, «низовым» способам выражения. Религиозное переживание, наполняющее полонизированную сарматом католическую веру, связано, прежде всего, с данью традиции, в которой не последнее место занимала традиция польского католического персонализма [27]. Именно польский сарматско-католический персонализм был важным фактором развития сословно-корпоративного эгоизма, который сформировал и запустил механизм государственного саморазрушения «папского» государства.

Политические традиции и идеологические установки сарматизма

Истоки сарматизма изначально имели политический характер. В других государствах на первое место выходили другие факторы формирования национального самосознания – такие как, например, исторические корни. В Речи Посполитой явно преобладали политические амбиции «шляхетского народа» [28], и сама шляхта была скорее политической, нежели социально-

экономической категорией [29]. Главным фактором шляхетской политической консолидации выступала совокупность правовых и социокультурных традиций [30]. В представлениях шляхты о себе как о сарматском народе доминирует именно политический элемент самоидентификации.

J. Tazbig рассматривал сарматизм как идеологию польского дворянства XVI-XVII вв. и национальное своеобразие культуры шляхетской Речи Посполитой, основные принципы которой сформировались ранее – во второй половине XVI в. По его мнению, они оказали неоспоримое влияние на систему других слоёв общества, что привело в период Нового времени к складыванию польского менталитета на сарматской основе [31].

Политические установки сарматизма органично связаны с традицией, католическими нормами и ценностями. Сарматская традиция понималась и как абсолютная ценность, и как средство, механизм выживания и воспроизводства этноконфессиональной самобытности. Такое восприятие присуще любому традиционному обществу. Специфика же сарматского традиционализма состоит в акцентировании политического наследия. Сармат концентрировал свои представления о традиции в идеале общественного и государственного устройства. Воплощением сарматского консерватизма становится идеализированное шляхетское государство. Категория Отечества – центральная в идеологии сарматизма.

Под сарматской идеологией понималась совокупность социально детерминированных и закреплённых в политико-правовом устройстве государства Речи Посполитой взглядов, политических традиций, сословных и этических норм. Причины столь долгого функционирования, «живучести» элементов этой идеологии видятся в особенностях экономического строя Польши и в так называемой «сарматизации католицизма». Однако отношения сармата и его республики не касались, и даже, более того, не «снисходили» до простолюдинов. То есть народ понимался как «гражданское общество» шляхтичей-сарматов, наделяемое феодально-сословными чертами. Таким образом, доминировали признаки противопоставления, оппозиционности по отношению к «другим» [32].

Главная функция воина-сармата – защита. Рыцарский образец поведения как бы устанавливал отношения сармата с внешним миром, акцентируя при этом охранительность, закрытость от воздействия извне. Он определял долг по отношению к государству и его политическим институтам. Следование этому идеалу происходило через подражание. Выполнение рыцарского долга осмысливается в тесной взаимосвязи с христианскими

нормами и ценностями.

Польского шляхтича-сармата отличает сложно организованное сознание с чётко выверенными и жёстко сформулированными определениями, с акцентом на юридические и правовые, а не эмоциональные отношения.

Для польского сармата иерархия элементов национальной самоидентификации выстраивалась в сфере отношений гражданин – государство: это идеалы «золотой вольности», шляхетской чести, сословной избранности, слитые воедино с национальной религией – польским католицизмом. Именно этот «народ» имел полное право считать большую часть своих соплеменников «хлопами», «быдлом», «пёсией кровью». Таким образом, в этом «гражданском обществе» доминировали и входили в традицию несовместимые с христианской этикой и нравственностью нормы своеволия, жёсткого, нетерпимого и непримиримого противопоставления по отношению к низшим сословиям.

Сарматизм представлял собой догматически-мифологическую основу, на которой сформировалась национальная идеология польского шляхетства.

Поиск исторических корней и древних предков приводил не только к идеализации «золотого века», но и к освящению политической традиции, которую сарматы выводили из римского республиканского устройства.

Закрепление этой идеальной модели привело к тому, что вся сарматская идеология пронизана идеалами, осуществившимися в недавнем прошлом: это представление о Родине как воплощение политического и нравственного совершенства, это и существование консервативной социальной утопии, которая также опрокинута в прошлое.

Будучи идеологией традиционного общества, сарматизм рассматривает соблюдение (или возврат) к освящённым давностью традициям как единственно возможный механизм выживания общества и государства. Ему присущ изоляционизм и ксенофобия, являющиеся обратной стороной мегаломании и самоидеализации.

Приспособляемость и распространённость сарматских идеологием обусловили тот факт, что в реальной действительности сарматизм, несомненно, был не только сводом нормативных представлений, но и стилем жизни.

Сарматскую идеологию делало особенно «живучей» и гибкой то обстоятельство, что она одинаково апеллировала и к рационально-историческому и к подсознательно-мифологическому типу мышления [33]. Но установки избранности, корпоративизма, своеволия, нетерпимости, мессианства и невротического экспансионизма специфической сарматско-шляхетской демократии не способствовали завоеванию достойного полити-

ческого статуса и государственного авторитета в Европе, что в итоге и определило историческую судьбу Польши.

Выводы

Сарматизм догматически утверждался идеологами шляхты через веру в избранность потомков сарматского этноса. Именно эта непрерываемая вера стала одной из основ формирования шляхетского менталитета. Этот догматически обусловленный менталитет как инвариантная структура определяла шляхетские психолого-политические и этические установки, которые возобновлялись и утверждались их носителями в течение длительного времени как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо рациональных объяснений, исторических обоснований и юридических доказательств. Сарматизм изначально стал вождеденно исповедоваться как некая «гражданская религия», при этом вера в сословную исключительность воспринималась нерелексивно, догматически, т.е. так, что она не составляла для шляхтичей никакого вопроса как некая истина *a priori* [34].

Анализируя историю генезиса, развития и деградации феномена сарматизма, представляется возможным условно выделить в нём три основных этапа.

Первый этап – пассионарно-героический – это XVI и первая половина XVII вв., когда доктрина сарматизма выполняла политическую, тоталитарно-идеологическую, организующую, мобилизационную, корпоративно-интегрирующую роль польских элит шляхетской республики. На этом этапе Речь Посполитая демонстрировала подъём, военно-политическую силу и экспансионизм.

Следующий этап – регрессивно-трагический. Это вторая половина XVII в. – начало XX в., когда сарматизм как реализация идеала своеобразной сословной демократии и специфического республиканского устройства, подобно которому в Европе не существовало ни одно государство, определил политическую деградацию и государственный распад Речи Посполитой. Изначально заложенные в сарматизме комплексы мегаломании, самоидеализации, ксенофобии, сословной исключительности, безответственности и инфантилизма, запрограммировали, по существу, утрату государственной независимости Польши и её многократные разделы.

Третий этап – этап агонии политического трагифарса предвоенного двадцатилетия 1918-1939 гг. как последний пассионарный эксцесс шляхетского сарматизма в истории Речи Посполитой, который закончился её тотальным военно-политическим разгромом и полной утратой государственности. После этой трагедии страны остатки

сарматского католического народа – шляхты тихо и незаметно ушли в историческое небытие со своим сословным эгоизмом, своеволием, анархизмом, романтическими и мифическими представлениями о «золотой вольнице».

Но «традиции всех мёртвых поколений как кошмар тяготеют над умами живых» [35]. Правители совре-

менной Республики Польской с 1989 года вновь пытаются вернуться к обанкротившимся идеям своих героев сарматско-шляхетской истории, но уже с помощью покровителей в США, НАТО, ЕС и Ватикане, став разменной картой на «великой шахматной доске» современной мировой политики.

Литература

1. Кёррер Н. Этнические стереотипы в польском национальном сознании XIII–XIV веков (по данным Великопольской хроники)
2. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения (Под ред. Брагиной Л.М.). – М.: Высшая школа, 1999.
3. Лескинен М.В. Образ сармата в истории: На пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М.: Институт Славяноведения РАН, 1998.
4. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 165.
5. http://akimboiko.in.ua/2008/10/terra_beroica_2008_age_of_sarmatizm/.
6. <http://plas.by/ist/rod/glava1.php>.
7. <http://www.ukrbistory.narod.ru/texts/kresin-2.htm>.
8. Социально-экономическая география Украины. Под ред. О. Шабля. – Львов: Свит, 1998. – С. 153; <http://ru.wikipedia.org/wiki/Сарматы>.
9. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 116.
10. Панченко А.М. Пётр I и славянская идея // Русская литература. 1988. № 3. – С. 146-152.
11. Бухарин Н.И. Российско-польские отношения в XIX – первой половине XX в. // Вопросы истории. 2007. № 7. – С. 3.
12. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 15.
13. Bardach J., Lenodorski B., Pietrzak. M. Historia ustroju i prawa polskiego. Warszawa. 1994. S. 232.
14. Софронова Л.А. Сарматизм в польской драматургии эпохи Просвещения // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. – М., 1977. – С. 151-153.
15. Pelc J. Варос – эпока przeciwnieństwu. Warszawa, 1993. S 210-212.
16. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 19.
17. Mankowski T. Orient w polskiej kulturze artystycznej. Wrocław, 1959. S. 195–210.
18. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Сарматизм>.
19. Ракитянский Н.М. Феномен англо-американской ментальной экспансии // Информационные войны. 2009. № 4.
20. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. Часть II. Период вселенских соборов. Глава I. Распространение Христианства. Христианство в Польше // <http://lib.eparbia-saratov.ru/books/15p/posnov/history3/100.html>.
21. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 171.
22. Олэнн Дж. Христианская духовность в католической традиции // http://www.krotov.info/history/00/omen/omen_08.html.
23. Mankowski T. Orient w polskiej kulturze artystycznej. Wrocław, 1959. S. 185–200.
24. Angyal E. Świat słowiańskiego Baroku // Пер. с венг. на пол. Warszawa, 1972.
25. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 80, 21-23.
26. Kucbowicz Zb. Obyczaje staropolskie. Warszawa, 1985. S. 131.
27. Бухарин Н.И. Российско-польские отношения в XIX – первой половине XX в. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 3.
28. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 62.
29. Дмитриев М.В. Польская шляхта в XVI – XVIII вв. // Европейское дворянство XVI – XVII вв. Границы сословия. – М., 1997. – С. 198.
30. Zajaczkowski A. Główne elementy kultury szlacheckiej w Polsce. Ideologia a struktury społeczne. Wrocław, 1961. S 29-30.
31. Tazbir J. Polskie przedmurze. Warszawa, 1987.
32. Лескинен М.В. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 14, 27.
33. Там же. С. 13-30, 76.
34. Ракитянский Н.М. Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного типа ментальности // В кн.: Теория и практика российской политической психологии: Материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, 23-24 октября 2009 года / Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – С. 328-342.
35. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – М.: Политиздат, 1983. – С. 8.

Материал поступил в редакцию 12. 07. 2010.